

ДОБРЫЙ ЦИРКАЧАЛОН

САМИЗДАТ ВЕКА: ГАЛИНА АНДРЕЕВА

2. ГРУППА ЧЕРТКОВА

2.1. ГАЛИНА АНДРЕЕВА

№ 16 1996

Прежде всего это была ее комната на Большой Бронной, где собирались молодые поэты, читали свои стихи, ревниво или восторженно слушали чужие - и обсуждали все и все.

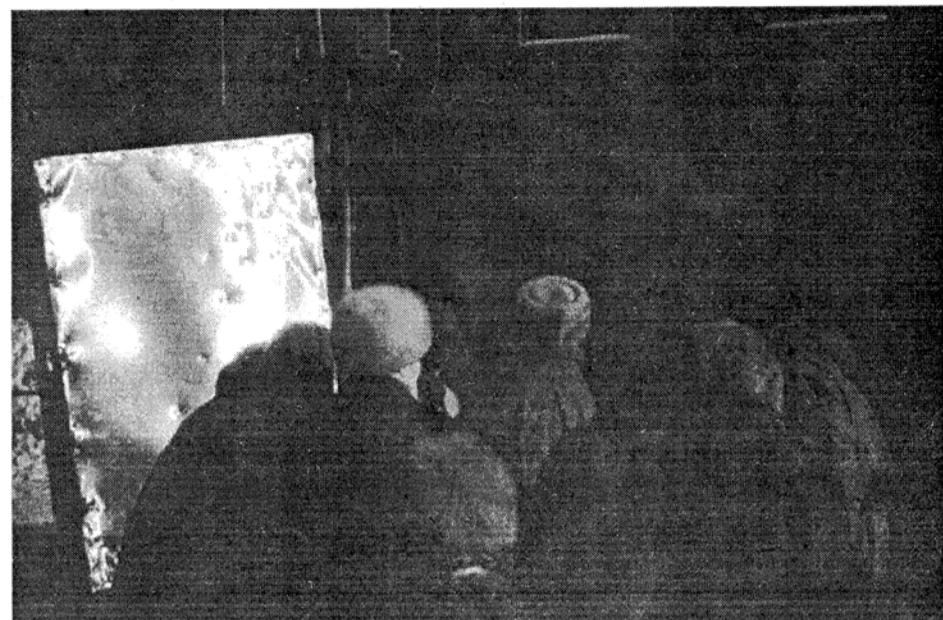
Я сам был там в конце пятидесятых, помню балконы, свежие листья томполя внизу и - за спиной черный профиль пианино, за инструментом - молодой грузин, первый ее муж (у нее и второй муж был композитором). Галка, так ее звали, была тональная, красивая и, что называется, держала тон. Вообще мы передко гуляли с ней по московским улицам и бульварам и читали друг другу стихи. И все. И этого было тогда с избытком. А если еще было пристанище, где поили чаем, то лучшего желать не приходилось.

Для кружка молодых людей - в основном студентов института иностранных языков и МГУ здесь был центр и клуб. Обычно приходил Андрей Сергеев, тогда он мне казался похожим на Тютчева, яркий и громкий Ленин Чертков, Стас Красовицкий с Хромовым, Олег Гриценко. Читали Пастернака, футуристов, и свои стихи, обязательно. Свежие, только что записанные, манишка была тогда роскошью. Но и без манишки Красовицкого, например, расходились в момент, доехавши за ночь до Ленинграда, недаром юный Иосиф Бродский помнил столько стихов Красовицкого.

Андрей Сергеев мне рассказывал: "Мы называли квартиру Галки "мансарда" и еще так - "монмартрская мансарда, мансардская монмартра". Мы были достаточно герметичны, но хотелось вентиляции, и поэтому мы приходили в ЦДКЖ в либо-бъединение "Магистраль", которым руководил совершение не-пристойного Гришка Левин. Весь обсыпаный перхотью, он кричал: "Хлебинова отверг советский народ!" - и поучал Пастернака жить. В "Магистраль" он был кумиром, а у нас - "грязной скотиной". Но куда-то надо было приходить..."

И верю, я сам, помню, забредал в "Магистраль", по ясно понимал, что принадлежал во временный стан либеральной, но вполне советской литературной молодежи, которая хотела только освежения романтизма и так называемой правдивости в сентиментальном плане, а не нового искусства.

И еще эта "чертковская" компания молодых способов регулярно посещала коктейль-холл на улице Горького - тогдашний светский центр. Коктейли были вполне нам всем по карману, и под "шампань-коблер" и "маяк" отлично слушались новые стихи. Памятные пятидесятые.

Сергей Осьмачкин. Из серии "Разговоры ни о чем". 1995-1996.

ГЕНРИХ САПГИР

Что-то, как всегда, не удалось,
подступила медленно
усталость,
смотрят окна, не стирая слез,
как ненастье к городу
подкралось.

На промокших скверах ни
души,
но дождь прекрасен, в чем
же дело?
Если что-то кончилось - пиши,
что тоска тебя не одолела.

* * *

Стоит в тени платанов дом
и светится во тьме.
Его забуду я, а в нем
все помнят обо мне.

Струится невесомый дождь,
не приминая трав.
Туман сгустившийся похож
на завитки агав.

Воспоминаний не храню,
не надо писем ждать,
не надо ничего огню
в смятении предавать.

Лишь благодарности моей
едва заметный дым
встает над крышею твоей
невнятен, недвижим.

* * *

За поворотом был старинный
дом
с облезлым покосившимся
фасадом,
колонны уронивший в водоем,
он умирал за каменной
оградой.

Былым великолепием дыша,
казалось он подобен древним
склепам.
Там голуби ходили не спеша
по завиткам изящных
барельефов.

В гостинной жили только
зеркала
и думали о прошлых
отраженьях,
и в полубликах тусклого
стекла
свет создавал иллюзию
движенья.

Кругом ютились кровли
деревень
у мелких заболоченных
каналов.

Мы забрели сюда в хороший
день,
когда весна едва лишь
намечалась.

С трудом открыли треснувшую
дверь,
и в коридореостояли рядом,
в старинном доме, где была
теперь
гостиница последнего разряда.

* * *

Здесь возникает наяву
совсем недавнее былое,
и вижу старую Москву
в том переулочном покое,

где луч, по куполам скользя,
теряется в разливах света,
вдруг вспомнишь: старые
друзья
здесь по соседству жили где-то.

Не в тех ли маленьких домах
по шатким лестницам
спускались
и собирались во дворах,
когда экзамены кончались?

Деревья возле самых рам
и свежий ветер на рассвете,
трамвайный грохот, птичий
гам,
распахнутые окна эти...

Чуть-чуть захватывает дух,
когда сбегаешь по ступеням,
летает тополиный пух,
а впереди еще цветенье

тяжелых лип на мостовой,
особенно в дождливый вечер,
приметы легкости такой,
что, кажется, продлится
вечность.

* * *

Есть истины для двух,
и есть - для одного.
Сквозь тополиный пух
не видно ничего.

Все, кажется, метель
на лужах легкий лед,
вдруг скрип дверных петель
в действительность вернет.

Придет давнишний друг
и скажет: не беда,
вон тополиный пух
такой же, как всегда;

летит он в сквозняках,
в изгибах городских,
в распахнутых домах,
летит в стихах моих.

В нем нету ничего
от хитрости земной,
посмотришь на него,
и на душе покой.

В нем нет и тех прикрас,
и мелочных затей,
что отвращают нас
от близких и друзей.

Есть радость, так чиста,
что хочется вздохнуть,
как пенье птиц проста,
нё связана ничуть,

спасительным огнем
подобна мысль о ней,
навеянная нам
цветением тополей.

* * *

Узкий месяц из окна
суеверно светит справа.
И река вдали видна,
как блестящая оправа

этих улиц, площадей,
переулков и прохожих,
этих призрачных ночей,
на другие непохожих.

Возвращается опять
ощущение покоя,
удивляться и молчать
у дверей балкона стоя.

Не движенья, не слова,
только шорох и затишье,
и прохладная листва...
Не расстраивайся,
слышишь?

Лето запнулось,
затишье,
птиц улетающих стаи
сели прощаться на
крышах.
Пусть улетают.

Время печальных
поветрий,
Небо почти опустело,
ласточкиных геометрий
очерк растаял в
пределах
города или поселка.
В миг опустели карнизы,
не было в ласточках
толка,
и щебетание смолкло,
смотрят растерянно
снизу.

Только пространство
пустое,
нет ни мельканья, ни
звука,
холод, желанье покоя,
вздох облегченья,
разлука.
Так ли ты жаждешь
прощаний,
чтобы отказаться от
чистых
ласточек, их щебетаний
на небесах золотистых?
Здесь опустевшие
крыши,
помня нехитрое пенье,
превозмогая затишье,
ждут возвращенья.

* * *

Лето разошлось по
пустякам,
кончилось, никто и не
заметил,
просто безмятежный
птичий гам
не возник однажды на
рассвете.

Так однажды не
возникнуть нам,
и недаром повелось
когда-то,
глядя вслед летящим
журавлям,
все потери
вспомнить и утраты.